

<Предмет психологии>

А.Ф. Лосев

The Subject of Psychology

A.F. Losev

<...> Не обладая ощущением, мы не могли бы быть психологическими субъектами; у нас в психике ничто не текло бы, не становилось бы, и вся психология застыла бы в суровых формулах логики и диалектики. Впрочем, вопрос этот так сложен, что без специального, хотя и краткого, рассуждения о предмете психологии усвоить его было бы трудно. Каков же предмет психологии?

\365\ 1. Всякая наука говорит нечто осмысленное. Это значит, что *всякая наука есть наука об осмысленном, о смысле*. Наука может говорить и о бессмысленном. Но о бессмысленном как таковом можно говорить лишь тогда, когда мы знаем, что такое смысл, или по крайней мере предполагаем, что таковой имеется. Кроме того, бессмыслие имеет некоторый вполне определенный, точно зафиксированный логический смысл, а именно, смысл бессмыслия. Поэтому, невзирая на то, что наука часто изучает бессмысленное, можно все же совершенно точно сказать, что всякая наука есть наука о смысле, о смысле, или об осмысленном.

Психология есть наука и, следовательно, учит о смысле. Но каков тот смысл, который изучает психология? Каков подлинный и своеобразный предмет психологии?

При мысли о современной психологической литературе на нас нападают целые тучи разнообразных теорий о «предмете психологии». Разбирать их здесь значило бы исписать без толку несколько сот страниц. Остановимся на наиболее распространенном.

а) Одно из наиболее «разительных» учений гласит, что все психическое — непротяженно. В пространный ясно, где предмет налево, а где тот, который направо от нас. В психике, говорят, совершенно нельзя сказать, где находится такая-то мысль, где тут «право» и где «лево». На первый взгляд, такое учение неопровержимо. Но при внимательном всматрива-

нии в него оно совершенно теряет свою доказательность и оказывается настолько широким, что своеобразия психики через него уловить уже невозможно. Психическое непротяженно. Но мало ли что непротяженно? Возьмем, например, это перо, которым я сейчас пишу. Конечно, перо протяженно, оно \366\ занимает определенное место. Но если мы пожелаем вдуматься в то, что такое собственно перо, то вопрос становится отнюдь не столь ясным. В чем, собственно, заключено перо? Перо состоит из таких-то и таких-то частей. Ведь каждая часть не есть еще перо. Как же то, что не есть перо, вдруг делается пером? Приходится утверждать, что, хотя перо — протяженно, эйдос пера — непротяжен. Эйдос пера не занимает никакого места. Да и вообще эйдос всякого предмета непротяжен. Вот лампа. Где, спросим себя, сама ламповость? Ведь реально перед нами — стекло, металл и пр. Где же то, что делает совокупность этих инородных вещей именно лампой? Ясно, что ламповость непротяженна, и только очень не тонкий наблюдатель может сказать, что «ламповость» налево или направо от «книжности», например, или «стенности». Лампа, конечно, направо или налево от книги. Но *эйдос* лампы, самая значимость лампы как лампы, ни с какой стороны и ни в какой мере не содержит в себе элементов «правости» или «левости». Итак, эйдос любого предмета непротяжен, и когда говорят, что психическое тоже непротяженно, то этим совершенно еще ничего не высказывают на интересующую нас тему. Сказать, что психическое непротяженно, быть может, и приятно для какой-нибудь метафизической системы, но это, по меньшей мере, слишком широко. И в такой мутной воде должна потонуть вся психология как своеобразная наука.

А потом, кто сказал, что психическое непротяженно для нашего эмпирического наблюдения? Пусть мне назовут такого психолога, и я найду момент, ког-

Для цитаты:

Лосев А.Ф. *Предмет психологии* / Публикация А.А. Тахо-Годи, подготовка текста В.П. Троицкого // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 4. С. 67–71. doi: 10.17759/chp.2018140409

For citation:

Losev A.F. The Subject of Psychology. Takho-Godi E.A. (eds.). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 4, pp. 67–71. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140409

да он со мной согласится. Я дождусь какой-нибудь его болезни, головной, зубной, желудочной или все равно, какой болезни. И когда он будет стонать от этой болезни, попробуем разубедить его, что страдает такой-то его член. Я думаю, такая попытка будет бесплодна. И понятно: жизнь — одно, а абстрактная метафизика — совершенно иное. Правда, на иной вкус, да отчасти и мне самому, утверждение протяженности психического кажется несколько грубоватым и нечетким. \367\ Однако можно смело сказать, что оно гораздо тоньше и научнее обратного утверждения. Ведь нам ничто не мешает сказать, что лампа находится влево от книги, хотя эйдосы этих вещей и непротяженны. Точно так же, по-моему, можно сказать, что головная боль проявляется выше или ниже, у темени, на затылке и т. д. Это не только совпадает с обыденной терминологией, но и вполне точно в смысле науки, и это — при полной непротяженности психического как эйдоса. Всем известно, что люди с ампутированными ногами могут жить десятки лет. А попробуйте ампутировать голову! Я знаю, что абстрактный метафизик (а из таких и состоит наша психология, и спиритуалистическая, и материалистическая) сейчас улыбается, читая мой пример. Но что, в самом деле, это значит? Ведь по элементарным законам индукции надо сделать вывод непосредственно о протяженности психического. Я не знаю, как можно на это ответить иначе.

Жизнь — движение и напряжение, и все тело мое живет, движется и напрягается. Неужели душа не живет, не движется и не напрягается? И неужели нельзя эту душу уловить в голове, в глазах, в горле или в легких? Только абстрактная метафизика может решиться на столь отвлеченное представление о душе как о чем-то непротяженном.

Итак, если психология — наука, а всякая наука трактует о смыслах, то учение о непротяженности психического уже по одному этому не вскрывает своеобразия психического, ибо не только смысл в качестве психики, но и всякий другой смысл — непротяженен; если же брать психические *факты*, то они вопиют о своей протяженности. Скажет: ну, что же все-таки мысль о революции у вас в душе направо или налево от чувства потери имущества после гражданской войны? На что я отвечу тоже вопросом: а что вы называете «мыслью»? Мысль, если она берется как *мысль*, — она не есть нечто психическое. Ведь психическое все движется, напрягается, меняется, а разве в состав мысли как мысли, т. е. эйдоса мысли, входит признак движения и напряжения? Если нельзя сказать, что одна мысль влево от другой, то это только значит, что мысль не есть психическое \368\ и тогда опять психика как эйдос разделяет все особенности эйдоса вообще: эйдос лампы тоже не влево и не вправо от эйдоса книги и чернильницы.

β) Но вот гласит второй кит абстрактно-метафизической психологии: психическое есть то, что могу наблюдать только я, носитель этого психического, другие же наблюдать его не могут. Звезды наблюдаются всеми, кто на них смотрит, а психические процессы наблюдает только тот, кто их переживает.

Есть ли это черта своеобразия психики? — Конечно, нет. Во-первых, не только чувство досады наблюдает тот, кто его переживает, но и звезды наблюдает только тот, кто их переживает. Или вы думаете, что можно наблюдать звезды, не смотря на них и не думая о них? Но если это абсурд, то в чем же разница между психологией и астрономией? Во-вторых, только ослепление абстракциями может заставить говорить, что наблюдает переживание только тот, кто фактически его имеет. Я не знаю, стоит ли спорить на эту тему. Если вы захотите рассуждать жизненно, то вам нечего доказывать, ибо всякому младенцу ясно, что, раз человек плачет, значит, ему больно или горько. Если же вы станете на абстрактно-метафизическую точку зрения, то опять вам нечего доказывать, ибо, если уж продолжать спор, то надо переносить <его> из сферы психологических методов на почву принципиально-метафизическую. Я исхожу из основного убеждения, которое для меня есть продуманная философия, а для всякого человека есть просто обыденный факт: сущность не отделена от явления, но сквозит и проявляется в нем. По явлению я узнаю сущность или, если вспомнить наши точные формулы предыдущего исследования, энергия сущности, будучи неотделима от сущности, есть сама сущность, хотя и отлична от нее. Когда мы смотрим в лицо человека, разве мы не видим его сущности? Разве эта сущность, не только фактически-психическое, но именно сущность, нечто более глубокое, чем психика, разве не она сквозит и не проявляется в походке, в манере держаться, в способе произношения слов, \369\ в обращении с людьми, в том, как он ест, пьет, спит, и т. д. и т. д.? Я всегда думал, что судить можно только по наружности, и чем больше живу, тем больше в том убеждаюсь, какими бы библиотеками абстрактной метафизики я ни обсыпался.

Итак, непосредственно наблюдать можно не только «свои», но и «чужие» переживания, и, следовательно, учение о необходимости «самому» переживать для наблюдения — непригодно для обрисовки своеобразия психики.

γ) Третий кит абстрактно-метафизической психологии гласит, что психическое не может быть воспринимаемо внешними органами чувств, а только внутренним опытом, самонаблюдением. Но, во-первых, вообще никакой эйдос не может быть воспринимаем внешними органами чувств; а если вы думаете, что это возможно, то вот вам куски металла, стекла, шерстяной материи, проволоки, — укажите, где тут «ламповость». Не только «психическое», но и «физическое», поскольку оно воспринимается, — оно обладает той или другой формой, а форма эта сквозит в фактах незримо и невесомо. «Ламповость» разлита по всем частям лампы, и все-таки никакая часть лампы и, следовательно, никакая сумма этих частей (поскольку сумма нулей никогда не может стать единицей) не есть лампа. Эйдос воспринимается иным «чувством» и «органом». Я бы не назвал его обязательно «внутренним», ибо в лампе нет ничего «внутреннего», а она — тоже невоспринимаема без этого

«органа». Но не будем касаться этого дальше. Важно, что этот «орган», иной — в отношении к чувственному наблюдению, действует одинаково и в восприятии «физического» и в восприятии «психического» и, следовательно, никакого своеобразия психики сам по себе не рисует. Во-вторых, непонятно мне, что такое самонаблюдение. Если у меня, например, болит живот и я это чувствую, есть ли это самонаблюдение, или нет? Скажут: надо различать психическую и физиологическую сторону в \370\ ощущении боли; физически — у вас известные неправильности в функционировании внутренних, психологически же — боль не существует в теле вообще, она ни в желудке, ни где-либо еще. Позвольте, но что же, в конце концов, у меня болит, живот или ощущение боли в животе? Если болит последнее, то это вздор, и, я думаю, никто не будет на этом настаивать. Значит, болит именно живот. Но если так, то что же я наблюдаю сейчас в «самонаблюдении»? Естественно, что живот. Итак, самонаблюдение в данном случае есть наблюдение собственно живота. Стоит ли умножать примеры? Конечно, можно тотчас же задать вопрос опять о мышлении и сказать: я решил логическую задачу и теперь вспоминаю, как я переживал процесс решения — что же, и в этом случае я вспоминаю свои телесные состояния? Сейчас, чтобы не вызывать возмущения у метафизиков-психологов, я обойду этот вопрос молчанием, ибо все равно им необходимо заниматься в дальнейшем специальном изложении. Ясен был бы и мой ответ. Пока же, один факт «органических» ощущений ниспровергает миф о самонаблюдении, лишенном всяких моментов «внешнего» наблюдения. Тут опять передо мной стоит вековая стена унылого картезианства, на котором бессознательно воспитана наша традиционная психология. «Тело» — само по себе, а «душа» — сама по себе. По «телу» не извольте судить о «душе», а для «души» извольте закопаться в непроходимую тьму абстрактного самонаблюдения и не выходить к «телу». Эта произвольная и унылая метафизика искажает в корне жизнь души и тела, и бороться с нею — наша основная задача.

Итак, ни непротяженность, ни недоступность другому сознанию, ни самонаблюдаемость не рисуют всего своеобразия жизни. Если психика есть некий смысл, то все эти три черты относятся или к характеристике смысла вообще, или вызваны предрассудками абстрактно-метафизического воспитания психологов и смысла не касаются. Попробуем теперь сами найти для того смысла, который есть психика, \371\ подлинно соответствующую ему спецификацию.

2. После произведенного нами в предыдущих исследованиях анализа это будет уже не столь трудной задачей. Мы должны дать феноменологическое описание психического вообще, и, не сделавши этого, мы, конечно, не сможем изучить никакого и частного явления в психике. Однако для этого нужно твердо знать, что такое смысл.

а) Из анализа предыдущих глав мы знаем, что смысл в полном своем явлении есть эйдос. Мы не будем сейчас повторять данных там определений, а

уже на основе их начнем с примеров. Вот мы имеем эйдос какой-нибудь физической вещи или эйдос, скажем, числа. Этот эйдос, как и всякий эйдос, внепространствен, вне-временен, вне-причинен. О смысле нельзя сказать, где и когда он находится и какие причины вызвали его к бытию. И к любой математической формуле и к этому столу, взятому в его эйдосе, совершенно не применимы никакие пространственно-временные категории. Может ли этими эйдосами заниматься психология? Конечно, нет. Ими занимается психика, как было сказано выше, особые науки. Значит, психология требует для себя такой эйдос и такой смысл, чтобы он был дан не в своей чистой форме эйдетики, но в какой-то другой форме. Что же это за форма? Из предыдущего анализа мы опять-таки знаем, что формой такой может быть только пребывание смысла эйдоса — в «ином».

β) Что такое «иное»? Это не просто обыденное слово, но строжайше определенный философский термин. В предыдущем мы уяснили его. Смысл есть смысл. «Иное», следовательно, не есть смысл. Но если бы это было просто бессмысленным фактом, то такое понимание «иноного» было бы ложным пониманием, ибо бессмысленный факт есть нечто вполне осмысленное: мы твердо знаем, что это именно — бессмыслие, и что это именно — факт. \372\ Нет, природа «иноного» исключительно феноменолого-диалектическая. Как идеален, т. е. вне-пространствен, вне-временен и вне-причинен эйдос, так идеально и «иное». Его мы именовали «меоном» или «материей» (в смысле «восприимницы эйдосов» платонической онтологии). Смысл — вечен, «иное» — не-вечно, оно — принцип временности (хотя и как принцип — вечно). Смысл — устойчив и имеет четкие границы; «иное», или материя, растекается, бежит эйдоса и предела, бежит всякого вида и оформления, оно — апейрон. Таким образом, эйдос, или смысл, данный в «ином», в инобытии, в материи, есть *эйдос все время движущийся, непрерывно-текущий, сплошно-становящийся*. Когда мы выставляем математическое утверждение, что $7+5=12$, то оно истинно и непреложно, что бы ни менялось и что бы вообще ни случалось. Эта истина и этот смысл не движется, не течет и никак не становится. Нам совершенно не важно, что переживает математик, когда имеет у себя в сознании математическую формулу; нам не важно, какие процессы происходят у него в мозгу и в нервной системе, когда он занят своей наукой. Ничто текучее, напрягающееся, *фактическое* нас не интересует. Эйдос как эйдос не субъективен и не объективен, он не был и не будет, он даже и не есть, как суть факты. Все текучее, «живое», меняющееся есть не эйдос, не то, что нас интересует в математике или вообще в эйдологии, оно есть именно «иное» в отношении эйдоса, эйдос в инобытии, а не чистая смысловая явленность эйдоса.

Итак, *психология есть наука о смысле, пребывающем в инобытии, об эйдосе, текущем и непрерывно становящемся на фоне материи, или «иноного»*. Психология \373\ *есть наука об иррациональной текучести смысла*. Не важно, какой имеется в виду смысл по содержанию — эйдос ли этой лампы и этих физи-

ческих вещей, эйдос ли какого-нибудь непротяженного понятия, — все равно психология имеет дело с любым эйдосом, но при одном условии — чтобы этот эйдос наблюдался не в своей абсолютной значимости и смысловой данности, а в модусе своего непрерывно-развивающегося, сплошно-становящегося меонального определения. Меон — принцип иррационально-растекающейся непрерывности. Вот психология и изучает всякий смысл — в аспекте меонального означенности.

В таком ограничении смысла меональными судьбами мы получаем первое феноменологическое определение подлинного предмета психологии, или психического. Раз и навсегда запомним: где нет текучести и непрерывного становления, там нет психологии и не может быть ни под каким видом; ни феноменология, ни логика, ни математика, ни мифология никогда и нигде, ни под каким видом не суть науки и знания психологические, как бы вся разнородная толпа психологов ни старалась свести эти знания на психологию. Только когда число дано в аспекте своей меональной текучести, только когда миф рассматривается как иррационально-текучее множество, только когда эйдос вообще становится бесформенно-напряженно-текучим множеством и алогическим хаосом, — только тогда рождается психология, как отдельное, самостоятельное и своеобразное знание и наука.

γ) Но достаточно ли такое ограничение смысла, изучаемого в психологии? Нет, недостаточно. Посмотрим на любую науку о фактах. Ведь все факты текут, меняются и притом непрерывно и сплошно меняются. Разве в физике не изучаются непрерывно становящиеся \374\ факты и события? Разве астрономия не изучает непрерывно текучее состояние неба? И разве погода [не] есть нечто столь капризное, текучее и неопределенное, как и психика? Да, наше ограничение смысла меоном необходимо и истинно, но недостаточно. Необходимо искать еще новой спецификации — на почве найденной.

Если мы вспомним наши предыдущие анализы, то нам станет ясной недостаточность занятой нами только что позиции. В анализе предметной сущности слова мы различили эйдос внешней явленности («вне-себя-бытия») и эйдос интеллигенции («для-себя-бытия»). Когда мы мыслим математический или физический эйдос, то эйдос предносится нам как нечто *плоское*, как некая *нарисованная картина*. Он существует лишь *для нас*, да и то, поскольку мы его представляем или мыслим. В таком своем виде он — для кого-то, а не сам для себя. Нас отнять, пропадет и сам эйдос. Но в том же нашем анализе мы видели, что такой эйдос не может быть полным эйдосом вещи. Такой эйдос может быть только *моментом* в целом явлении вещи. Вещь должна существовать сама по себе, без нас и без нашего субъектного сознания. То, что она есть *для нас*, должно быть этим же и *для себя*. Только так и можно было бы обеспечить самостоятельное бытие вещи. Значит, *логически*, вернее, диалектически, необходимо, чтобы в вещи было «вне-себя-бытие», т. е. бытие для меня, для того, для дру-

гого, но и «для-себя-бытие»; необходимо, чтобы вещь была вещью для себя самой, была определенным смыслом *для себя самой*. Это и значит, что в эйдосе мы наталкиваемся на совершенно новый момент, а именно на *интеллигенцию*, как мы ее \375\ изобразили в предыдущих исследованиях. И тут-то залегает различие между физикой и психологией.

Физика и науки о неживой природе фиксируют эйдос, конечно, меонизированный, в его «вне-себя-бытии». *Они рассматривают его извне*, как какую-то картину или форму. Они не знают, что он значит сам для себя и как он сам содержит в себе этот наблюдаемый извне смысл. Науки о неживой природе рассматривают смысл с внешней стороны. Здесь господствует эйдос вне-себя-бытия, эйдос — в своей внешней оболочке, смысл — как он является всему другому, кроме себя. *Психология же как раз акцентирует момент «для-себя-бытия» эйдоса; она рассматривает то, как смысл является сам себе; она изучает самоощутимость смысла, самоявленность его, себя самого осязаемость*. И в этом основное различие с физикой. Физика установила закон, и этим кончается ее задача. Психология же устанавливает то, как этот закон или этот факт является сам себе, ощущается сам собою, как он *переживается*. Психология — наука о самопереживаемом моменте смысла, о моменте самопереживаемости и самому себе явленности смысла.

δ) Соединяя этот признак с предыдущим, мы получаем такую первую полную и точную феноменологическую формулу психики вообще в ее подлинном своеобразии. *Психическое, предмет психологии, есть непрерывная текучесть самопереживающего эйдоса, или непрерывное становление в самоощутимости смысла; оно — непрерывное становление эйдотической самоявленности; непрерывно-становящаяся и иррационально-бесформенная идея на степени самоощутимости; бесформенное множество, \376\ непрерывно текучее и данное в аспекте своей самоощутимости, или идея, эйдос, забывшая себя до степени непрерывно становящегося иррационального самоощущения, или мысль, ощущающая себя как непрерывную длительность*.

3. Эта феноменологическая формула психического вообще имеет точное значение. Но эта формула дает наименьшее количество признаков при условиях полноты описания. Можно поэтому данное описание развить, не прибавляя в сущности ничего нового.

Что такое меон? Меон — начало иррационального разложения и распыления смысла, или идеи. Что смысл бестелесен и идея не занимает места, об этом мы уже говорили: лампа занимает определенной место, эйдос лампы не занимает его. Но возьмем эйдос любой физической вещи и посмотрим, что в ней протяженно и что непротяженно. Эйдос лампы или «ламповость» непротяженна, это ясно. Но лампа протяженна. А что такое реально существующая лампа? Это — соединение неподвижного, вечного, неменяющегося и нетекучего эйдоса лампы и меонального его распыления, в результате какого-то соединения образуется реально-изменчивая, фак-

тически-существующая лампа. Значит, меонизированность эйдоса лампы и физическое, фактическое ее существование — одно и то же. *Меонизировать эйдос значит превратить его в тело. Погрузить в телесный (а только значимый) эйдос в инобытие, в «иное», значит превратить его в физическое тело, значит наделить его пространственно-временной характеристикой.* Пока эйдос есть эйдос, сам по себе, он — созерцательная значимость, он нигде и никак не есть в эмпирической инобытийной реальности. Он *есть* совершенно в особом смысле. В собственном его бытии сливаются необходимость и факт, значимость и явление, \377\ смысл, как созерцание, и — бытие. Но как только мы начинаем брать эйдос в инобытии, так разделяются смысл и факт: смысл делается недвижимым критерием и опорой судеб фактов, в которые выливается смысл, а факты — подвижным подобием общего смысла, причем никакой факт уже не выражает смысла целиком. Смысл как значимость здесь уже не то, что бытие и факт. Если эйдос в себе был сплошной соединенностью движения и покоя (он недвижно менялся и неизменно в своей природе двигался), то эйдос инобытия есть неподвижно значимый смысл, «образец» для всевозможных и бесконечных ему «подражающих» фактов. В физической картине вещи все течет и меняется, и никакое состояние и образ вещи не могут выражать эйдоса ее целиком, ибо уже в самом образе вещи заложен принцип «иноного», т. е. уже не эйдоса, и благодаря этому «иному» только и смог появиться образ факта в отличие от эйдоса его.

Применяя это разъяснение к предмету психологии, мы находим, что *непрерывная текучесть смысла, являющегося самому себе, как и всякое другое пребывание смысла в инобытии, есть пребывание являющегося самому себе смысла в качестве физической вещи, в виде физической вещи.* Но что же это такое, физическая вещь, в которую приходит смысл, или идея, эйдос, в своем инобытии? *Ясно, что это есть органиче-*

ское, напр., животное тело. Эйдос «вне-себя-бытия» есть эйдос физической или вообще неодушевленной вещи. Эйдос «для-себя-бытия» есть эйдос органического тела. Следовательно, *психическое*, если оно есть самоощутимость непрерывно-текучего эйдоса, *есть в то же время самоощутимость тела. Психическое есть эйдос животного-органического, физического тела.* «*Душа*» *есть самоощущение непрестанно становящегося животного тела.* «*Душа*» *есть мысль, телом данная. Тело есть мысль, слепо ощущающая себя как хаотическую длительность. Тело есть забывшая себя и потерявшая себя, но слепо ощущающая себя идея. Тело, живое и самоощущающее, и есть душа; все остальное уже не душа, а чистый эйдос, чистый смысл, чистое слово и абсолютная мысль. Тело — видимое извне самоощущение иррационально-подвижного смысла. Душа — видимое изнутри иррационально-подвижное, т. е. живое, и самоощущающее, т. е. животное тело.*

Тело есть мысль — вот в чем я вижу сущность психологии. Видеть живое человеческое тело значит видеть мысль. Пусть это особая мысль, не та строгологическая и оформленная, с которой мы привыкли иметь дело в науке. Спецификации неважны. Важно, что познавать тело значит видеть мысль, явную или затаенную. Понять человека, это и значит понять его тело. Погрузиться в человека значит погрузиться в созерцание и познание его тела. Чем больше тело являет себя, тем больше я узнаю в нем его вековечную мысль и идею. Нет никакой души без тела, и если тело умирает навеки, то и душа умрет навеки. Только не будет этого. Ни душа, ни тело не умрут навеки. Теперь и всегда, так или иначе, в том или другом виде, но мы — душа, мы — тело. В теле, господа, в изучении тела ищите жизненную психологию.

*Публикация А.А. Тахо-Годи,
подготовка рукописи к публикации
В.П. Троицкого*